

терроризма, эпидемий и др. Тот факт, что их решение требует совместных усилий, вновь подчеркивает необходимость солидарных действий этнических групп.

Этнокультурные различия (нормы, ценности, верования и обычаи) не могут быть устранены, в противном случае само существование этносов было бы поставлено под вопрос. Но поскольку нетерпимость различий чаще всего произрастает из конкуренции различных групп за доступ к общественным ресурсам, необходим четкий механизм реализации гарантий равенства возможностей в политической, профессионально-трудовой, социальной и экономических сферах для представителей всех этнических групп, проживающих на территории государства.

Успешность диалога возможна только между равноправными участниками. Это требует проявления особой корректности в отношении к малым этносам. История показывает, что политика патернализма, какими благими целями она бы ни была продиктована, может породить как психологию иждивенчества, так и чувство ущербности, что выводит эти народы из пространства цивилизованного межэтнического диалога.

Литература

1. Дробижева Л. М. Этнические границы и этнические различия // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.:Изд-во Института социологии РАН. 1998.
2. Мейнтел Д. Что такое меньшинство? // Курьер ЮНЕСКО. 1993. № 8.
3. Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс. 2000.

Кузнецова А. И., Московский государственный университет

СФЕРЫ ВЗАИМОБОГАЩЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР ПРИ НАЛИЧИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕНИЯ СЕЛЬКУПОВ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ)

Северные (тазовско-туруханские) селькупы, о которых пойдет речь, с древних времен соседствуют со многими народами на территории Западной Сибири: сегодня у них происходит общение (в разных районах их проживания) с ненцами, хантами, эвенками, русскими, кетами, кое-где с немцами, татарами; в прошлые века отмечались также контакты селькупов с энцами и, по всей видимости, со многими вымершими и теперь не известными племенами. Взаимодействие любого этноса с каким-то другим никогда не проходит для него бесследно, отражаясь не только на его образе жизни, но и на духовной культуре народа, в том числе, на языке и фольклоре. Чем более древние связи существуют между этносами, тем сильнее переплетение их культур, тем труднее установить направление

заимствований. В таких случаях обычно говорят о взаимовлиянии культур, а применительно к фольклору -еще и о бродячих сюжетах.

1. Межэтнические отношения у селькупов с другими племенами складывались издавна, о чем свидетельствуют археологические раскопки, проводившиеся в течение многих лет Г.И. Пелих, Л.А. Чиндиной и др., а также работы историков и этнографов (С.В. Бахрушин, З.Я. Бояршинова, А.В. Головнев, И.Н. Гемуев и т.д.). С одними народами у селькупов были враждебные отношения, велись свирепые войны (особенно с ненцами). С другими, наоборот, существовали тесные контакты и заключались браки (с кетами, эвенками), перенимались некоторые обычаи, как, напр., обычай делать татуировку, характерный для хантов и эвенков и заимствованный от них нарымскими селькупам, жившими в глухих районах по пути от с. Максимоярского до Томска (очевидец конца XIX в. описывает татуировку в виде ветки в углах рта, которая призвана была отгонять злых духов; в отдельных произведениях фольклора можно найти определение «шитолицы», т.е. с татуированными лицами). Как конфликтные, так и дружеские отношения прослеживаются по немногочисленным сохранившимся мифам, по более позднему фольклору, в котором отражены контакты селькупов с разными этносами, по публикациям путешественников, исследователей-краеведов, живших в XVIII-XX вв.

2. В селькупских сказках часто встречаются сюжеты, совпадающие с сюжетами других народов (русских, кетов, хантов, ненцев), причем, трудно сказать, будет ли данный сюжет иметь обще-сибирское хождение, или он заимствован из народного творчества какого-то конкретного народа. Таковы встречающиеся не только у селькупов, но и у ненцев, кетов, хантов, мифы о старухе Восточного ветра, погубившей собственного сына за непослушание, за неуважение к советам матери. Общими являются мотивы, распространенные у селькупов, кетов и других народов, о краже ребенка и опознании его с помощью струи молока из груди матери, а также сюжет о происхождении комаров, который широко известен в сибирских мифах (селькупских, хантыйских) и даже в мифах американских индейцев. У селькупов (а также у энцев и кетов) представлена сюжетная линия сказки об Иче, герое селькупского фольклора, который хитростью отобрал у черта-старика принадлежащий тому замок: Ича посадил на ливеньницу бабушку, исполнившую роль бога и сказавшую черту, что замок принадлежит Иче.

Достаточно популярны пришедшие явно из русского языка сюжеты о злой мачехе, старающейся погубить падчерицу; о стае лебедей, превращающихся в девушек; о младшем сыне, побеждающем дракона и женившемся на дочери царя, и т.п. Однако, хотя сами данные сюжеты не характерны для селькупских сказок, текст органично включает в себя описание деталей селькупского быта, общей обстановки и отличается образностью,

типичной именно для селькупского языка и удивительной для русского, как, напр.: солнце поднялось на длину лука; лесная чертова женщина засмеялась, будто живой (сырой) березы шкуру (кору) сдирают; неба мездру огонь ест (подыхает зарница); огонь, в котором горит сор, говорит голосами разных птичек и т.п. Более того, в сказках с русским сюжетом пропадает типичная для русских сказок концовка «Я там был...», и сказка завершается лаконично по образцу селькупских сказок: *muntyk „Boe“*

3. Взаимовлияние двух и более культур заметно не только на примере обычаев, быта и фольклора контактирующих народов, но и на примере их языков, особенно - в области лексики. Ярчайшим доказательством влияния языков друг на друга является «Словарь заимствований из уральских, алтайских и палеоазиатских языков в русских говорах Сибири», выпущенный А.Е. Аникиным (1 изд. вышло в 1997 г., 2 изд. - в 2000 г.). Среди слов, обращающихся в Западной Сибири, немало слов-путешественников, прошедших путь двойного и более заимствования, занесенных в Сибирь русскими, еще ранее усвоившими эти слова из финского, коми и других языков. Взаимодействие языков в контактных зонах бывает столь значительным, что носители того или иного языка часто не в состоянии ответить на вопрос, является ли какое-либо конкретное слово словом их родного языка или оно пришло в их язык из другого. Так, с одной стороны, селькупы порою не воспринимают собственные слова как свои, несмотря на то, что те заимствованы у них русскоязычным населением и повсеместно используются, а считают их исконно русскими: из 120 селькупских слов-доноров, зафиксированных в словаре и встречающихся в русских говорах Сибири, сами селькупы опознали в качестве слов родного языка лишь одну шестую часть, уточняя их произношение (опрос удалось провести в селе Фарково Туруханского района Красноярского края, когда-то относившегося к Тюменской области, благодаря финансовой поддержке фонда «Открытое общество», грант № 1567/801/1998). Примерами ошибочного убеждения селькупов относительно происхождения слов могут служить пришедшие в русский язык из селькупского слова атарма «вид запора: рыбозаградительное сооружение»; юнги «деталь рыболовного запора» и др. Часто селькупы называют русскими такие слова, употребляемые в русских говорах, которые проникли в говоры из других финно-угорских языков. Напр., они уверены, что юксы «мягкие крепления на лыжах» - русское слово, хотя в действительности оно пришло из саамского (впрочем, иногда данное слово признается селькупами кетским или эвенкийским, в зависимости от того, от кого впервые эти слова селькупы услышали).

Щедро «отдавая» слова исконной лексики другим народам, селькупы, в свою очередь, не распознают в употребляемых ими словах некоторые хантыйские слова (пэчча «сорога», пуркы «дым», муккыл «узел»,

нямык «мягко», курас «внешность, наружность»), ненецкие (мальча «малица», ныльы «полугодовалый теленок»), считая их «своими». Не менее многочисленны в селькупском языке и слова тюркские, эвенкийские, кетские. Напр., от эвенков верхнетазовские селькупы заимствовали такие слова, как лочыко «седло, деревянная основа седла», забыв собственное слово па/ссан с тем же значением, сохранившееся в среднетазовском говоре; культуры «порог в чуме»; кумала «коврик из шкур, покрывающий выюк», и др. С трудом опознаются селькупскими многие русские слова, воспринимаемые ими как селькупские, но на самом деле пришедшие в селькупский язык в период освоения Сибири русскими. Среди таких слов - сыпынча «свинья», пачка и почка «поп» (< батька), патарка «награда» (< подарок), йачка «дьячок» и т.п. В результате многократных заимствований слов из одного языка в другой, происходивших в разные эпохи, и их частых переосмыслений возникает своеобразная смесь русского с селькупским, нередко впитавшим в себя, в свою очередь, элементы многих других языков-соседей. В качестве примера можно привести названия месяцев, которые исследователи зафиксировали в п. Напас на р. Тым, заимствованные селькупскими из русского языка, (аугусти! арет и сентабрил арет), и название месяца (п. Варгананджин), данное по имени русского святого (Микола арет).

В целом лексические системы многих языков малочисленных народов России в речи средне-молодого поколения представляют собой сегодня сложный узор, в котором народы, носители того или иного языка, с трудом могут отличить исконное слово от заимствованного.

Кручинина А. В., Тюменский государственный университет

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В ЭТНОНИМИИ МАНСИЙСКОГО, ХАНТЫЙСКОГО И СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКОВ

Этнонимы каждого отдельного народа представляют собой, как правило, национально-специфический круг слов. Не составляют исключения наименования этнических групп малочисленных народов Тюменского Севера. Однако заслуживает внимания целый ряд общих черт в материале этнонимического характера мансийского, селькупского и хантыйского языков, этнонимическая система которых отражает в себе особенности социальной организации, фратриального, родового, локально-территориального и подобных внутриэтнических делений. Весьма важно отметить то обстоятельство, что "мы не всегда можем распознать те черты, которые позволили бы точно и определенно установить характер и значение терминов, соответствующих таким обозначениям как "род", "племя", "народ", "народность" и т.п." [2.С.162], поэтому к этнонимам мы относим все имена этнического характера.